

Т. П. Смирнова

Нижегородский государственный лингвистический университет

МНОГОЯЗЫЧНЫЕ ЦИТАТЫ В НЕМЕЦКИХ ТРАНСЛИНГВАЛЬНЫХ НАРРАТИВАХ

Анализируются варианты многоязычных (двуязычных) сегментов в транслингвальной немецкоязычной литературе (немецкоязычной литературе мигрантов) с точки зрения их латентных и эвидентных конфронтаций, связанных с интенсивностью использования указанных структур в немецком транслингвальном нарративе. В терминологии итальянской исследовательницы И. Амодео речь в данном случае может идти о латентном и эвидентном многоязычии (двуязычии), определяемом ею соответственно как латентное (фоновое) присутствие любого другого языка (в случае использования автором не собственных немецкой лингвокультуре иностранных имен, топографических обозначений) и эвидентное, видимое проявление иноязычных цитат (часто первого (родного) языка литераторов-мигрантов) в немецком транслингвальном литературном повествовании. Перспектива предлагаемого исследования связана с анализом латентно-эвидентных моделей в литературных произведениях немецкой писательницы японского происхождения Й. Тавада, активно использующей указанные форматы в своем творчестве. Принципы включения многоязычных (двуязычных) цитат в литературные произведения писателей-экзофонов индивидуальны и определяются исключительно авторской интенцией литераторов. Актуализация указанных форматов происходит благодаря эмпирическим исследованиям, расширяющим представление о назначении и вариантах многоязычных (двуязычных) структур в транслингвальном немецком литературном тексте. Исследование проведено с опорой на концепции и идеи современных западных исследователей И. Амодео, П. Бурдьё, С. Холла, Х. Баба, Ж. Женетт, Г. Кремнитц, А. Климс, Х. -К. Трепте, Л. Форстер, Д. Скиба, М. Гимних о многоязычии, гибридности, интертекстуальных взаимодействиях в литературе; принципиальный научный интерес в изучении современных полилингвальных культур и литератур связан с эвристически значимыми открытиями научной прозы М. Бахтина о (литературном) многоязычии и его основных свойствах (теоретические работы 1930 — 1940-х гг.). Делается вывод о значимости латентных и эвидентных многоязычных (двуязычных) форм для изучения их имагологического потенциала в диалоге языков и культур.

Ключевые слова: латентное и эвидентное многоязычие (двуязычие); транслингвальные (немецкие) нарративы; И. Амодео; Й. Тавада; М. Бахтин

1. Введение

Многоязычие (Mehrsprachigkeit) (и/или двуязычие (Zweitsprachigkeit) как «форма», «вид» (MESSINA 2010: 108, 109) «подчиненное понятие» (Ibid.: 132), «особый случай» многоязычия (ein Sonderfall von Mehrsprachigkeit) (Juliane House) (Ibid.: 108) представляют центральные феномены в изучении современных полилингвальных культур и литератур и исследуются в гуманитаристике междисциплинарно с позиций различных теоретических концепций и их методологических интерпретаций. Литературное многоязычие занимает отдельную, активно обсуждаемую «нишу» обозначенных исследований и анализируется в германистике, в том числе на примере нового литературного жанра, транскультурной немецкоязычной литературы, представленной произведениями немецкоязычных писателей-мигрантов, избравших языком социализации и литературного творчества не родной для большинства из них немецкий язык.

В основу большинства научных изысканий по теме положена критика «одноязычия как нормы» (Ibid.: 108), критика «монолингвального габитуса» (Ibid.: 120, 122), «статичного концепта идентичности» (BAUMANN 2010: 227) как мировоззрений, отражающих представления о гомогенности языка в «гомогенных, стабильных, закрытых (герметичных)» социумах (Ibid.), что вряд ли соответствует фактическим процессам развития современных плюрилингвальных (транскультурных) сообществ в эру «глобальной миграции» (BÜRGER-KOFTIS, SCHWEIGER & VLASTA 2010: 11).

Актуальные формы многоязычия (двуязычия) в системе отдельных западных классификаций характеризуются с точки зрения разной интенсивности их проявления в немецком литературном тексте (BAUMANN 2010; CORNEJO 2010; SKIBA 2010). Согласно с предложенной исследовательской перспективой, И. Амодео (Immacolata Amodeo) подразделяет указанные многоязычные (двуязычные) форматы на латентные и эвидентные. «Латентное» и «эвидентное двуязычие» (многоязычие) определяются исследовательницей соответственно как «латентное (фоновое) присутствие любого другого языка в немецкоязычном тексте» («latente Präsenz einer anderen Sprache im deutschsprachigen Text») (CORNEJO 2010: 351), вступающего в диалог с его (текстовым) доминантным (немецким) языком (например, в случае использования автором не свойственных немецкой лингвокультуре иностранных

имен, топографических обозначений), и «эвидентное», заметное присутствие иноязычных сегментов (часто первого (родного) языка литераторов-мигрантов) в немецком тексте («wenn die Strukturen der Erstsprache im sprachlichen Erscheinungsbild des deutschsprachigen Textes bemerkbar sind») (Ibid.).

В современных исследованиях термину «латентное многоязычие (двуязычие)» часто соответствуют синонимичные обозначения «внутреннее, имплицитное многоязычие (двуязычие)» (interne, implizite Mehrsprachigkeit / Zweisprachigkeit); определение «эвидентное многоязычие (двуязычие)» используется в паре с терминологическими дефинициями «внешнее, эксплицитное многоязычие (двуязычие)» (äußere, explizite Mehrsprachigkeit / Zweisprachigkeit) (BAUMANN 2010: 230, 231).

Каждый автор выбирает собственную стратегию интеграции (гибридных) латентных или эвидентных форм в литературное произведение; говорить о единой творческой эстетике невозможно. Латентные и эвидентные формы многоязычия (двуязычия) значимы с точки зрения изучения их имагологического потенциала в диалоге языков и культур.

2. Характеристика материала и методов исследования

В западной германистике сложился определенный методологический «инструментарий» для понимания алгоритмов функционирования многоязычных сегментов в транслингвальных (немецких) нарративах. В новейших публикациях анализируется как прагматичный выбор автором-мигрантом литературного языка и языка социализации, часто отличающегося от родного, так и типичные «модели» ввода и последующей репрезентации иноязычных «цитат» в немецком литературном тексте (учитываются теоретические представления о транслингвальности и гибридности культур современных западных исследователей И. Амодео (I. Amodeo), Х. Баба (H. Bhabha), Б. Бауманн (B. Baumann), П. Бурдьё (P. Bourdieu), М. Бюргер-Кофтис (M. Bürger-Koftis), С. Власта (S. Vlasta), М. Гимних (M. Gymnich), Ж. Женетт (G. Genette), А. Катоне (A. Catone), А. Клиемс (A. Kliems), Г. Кремнитц (G. Kremnitz), Д. Скиба (D. Skiba), Х.-К. Трепте (H.-Ch. Trepte), Л. Форстер (L. Forster), С. Холла (S. Hall), Х. Швайгер (H. Schweiger). Принципиальный интерес для изучения транслингвальности в литературе и многоязычия («разноязычия» (М. Бахтин)) как ее конститутивного компонента представляют эвристически значимые открытия

научной прозы Бахтина о многоязычии и его основных «проявлениях» (теоретические работы 1930 — 1940 гг.), раскрывающие положительный потенциал «диалога смыслов» «своей» и «чужой» культур (СМИРНОВА 2020).

Опираясь на научные представления Бахтина о диалогичности культур, исследование позволяет определить специфику индивидуальной авторской стратегии немецкой писательницы японского происхождения Й. Тавада (Tawada Yōko, род. 1960) в использовании эвидентных и латентных многоязычных (двужычных) композиций и их необычных конфигураций, значимых для формирования оригинального художественного языка писательницы и имагологически продуктивного диалогического взаимодействия различных лингвокультурных традиций.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Мысль о продуктивном творческом потенциале взаимодействующих культур подтверждает своей писательской биографией японская эссеистка, прозаик, поэт, драматург Тавада, автор разножанровых произведений на немецком, итальянском и японском языках, обладательница престижных международных литературных премий и наград: National Book Award (2018); The Warwick Prize for Women in Translation (2017); Kleist-Preis (2016); Yomiuri-Literaturpreis (2013); Adelbert-von-Chamisso-Preis (1996) (Tawada n. d. : homepage) и др. Быть признанным литератором в иноязычной культуре означает для Тавада «обогащение»; в этом случае, полагает японская писательница, можно ощутить себя уникальным, а не «глобальным» (принадлежащим всем и никому) литератором (CATONE 2015: 22).

Творческая и языковая биография Тавада тесно связаны с несколькими лингвокультурами: родной японской, русской (писательница имеет степень бакалавра по специальности «русская литература»; художественные образы, связанные с русской культурой и Россией, занимают значимое место в литературных произведениях Тавада), а также немецкой, ставшей для японки «языковой родиной» (Sprachheimat) (VERTLIV: 2007).

Тавада активно использует в творчестве многоязычные (двужычные) модели, сочетая элементы различных языков (в том числе, родного) и культур. Возможно, именно поэтому западный исследователь Ю. Вертхаймер (Jürgen Wertheimer) называет японскую создательницу необычных произведений

«постмодернистской шаманкой поэтической речи» (postmoderne Schamanin der dichterischen Rede) (CATONE 2015: 191). В оценке многих рецензентов Тавада — одна из самых творческих, «провокационных» и оригинальных писательниц в мире (Ibid.: 192).

Тавада умело использует творческий потенциал многоязычия (двуязычия) и включает в литературные произведения его латентные и эвидентные формы.

Так, автобиографические воспоминания Тавада о первой (совершенной в возрасте 19 лет) поездке в Москву (и далее в Европу, Берлин) по легендарному маршруту Транссибирской магистрали положены в основу рассказа *Wo Europa anfängt* (1991) (включен в одноименный сборник стихов и прозы) и содержат многочисленные упоминания о городах, регионах Японии и других стран, связанных с биографиями персонажей. Топонимы приводятся в кратких диалогах попутчиков героини в ее долгом путешествии в Москву.

(1) «„Kommst du aus Vietnam?“, fragte er mich. „Nein, ich komme aus Tokyo.“

Sein Enkelkind schaute mich an und fragte ihn leise: „Wo ist Tokyo?“ Der alte Mann streichelte den Kopf des Kindes und antwortete leise aber deutlich: „Im Osten“. <...> Hatte ich nicht als Kind auch immer solche Fragen gestellt? — Wo ist Peking? — Im Westen. — Und was gibt es im Osten hinter dem Meer? + Amerika. —“» (TAWADA 1991: 80–81).

Содержащиеся в диалогах топонимические обозначения не несут видимой смысловой нагрузки, передаются в контексте традиционных будничных бесед и фиксируют, на первый взгляд, лишь географический «локус» универсальных биографических повествований. Вместе с тем, обыденные «жизнеописания» очевидно связаны с «памятью места» и отражаемых им «ландшафтных» метафор и мифологем. Так, необычная с точки зрения европейца ассоциация «Запад» — это «Пекин», «Восток» — это «Токио», продолжается дальнейшими метаморфозами рассказа *Wo Europa anfängt*: наивные представления рассказчицы о Москве как начальной точке Европы развенчиваются в итоге репликой русской соседки по купе, замечающей, что начало Европы «не в Москве, а за Уралом», и откровением попутчика-француза о Москве, которая в его представлении НЕ является Европой («Moskau ist NICHT Europa») (Ibid.: 25). В контексте реальной биографии Тавада столь же иллюзорным окажется позднее миф об «идеализированной Евро-

пе», трактуемой писательницей как повторение, «простой возврат к ориентализму» (CATONE 2015: 194).

Отсылки к родной культуре и ее образам присутствуют во многих произведениях Тавада. «Диалог» с родной культурой создает особую «аутентичную» атмосферу авторских (немецких) транслингвальных литературных повествований и нередко используется писателями как имагологически значимый стилистический компонент в творчестве (SMIRNOVA: 2017). Часто воспоминания связаны с самым дорогим для многих периодом жизни — детством.

Так, в одной из глав сборника *Wo Europa anfängt* Тавада вспоминает о своей матери, которая росла в буддийском храме, где обязательной была ранняя молитва.

(2) «Meine Mutter wuchs in einem buddhistischen Tempel auf, in dem man jeden Morgen um 5 Uhr schon das Gebet hörte, das ihr Vater, der Hauptpriester des Tempels, mit seinen Schülern verrichtete» (TAWADA 1991: 79).

Очевидно, что латентные формы многоязычия, сопряженные, в том числе, с «трансформацией» ожидаемых сюжетных развязок, значимы для художественной стратегии Тавада. Писательница виртуозно использует их для «нескучного», «живого» повествования, интересного читателям.

Тем не менее латентные многоязычные формы из-за малой репрезентативности контактирующих языков и культур не представляют значимого исследовательского интереса для современной германистики. Большую важность обретают видимые, эвидентные формы (гибридного) языкового и культурного контакта, обеспечивающие особый стилистический колорит литературного произведения.

Наиболее частый способ интеграции иноязычных эвидентных моделей у Тавада состоит в их непосредственном противопоставлении (сопоставлении) с немецкоязычным (или любым иноязычным) эквивалентом в литературном произведении: при этом используется традиционный для переводческой и эдиционной практики формат *texte en regard* с параллельным расположением текста-оригинала и его перевода.

В эссе Тавада *Von der Muttersprache zu Sprachmutter* (из сборника литературных эссе *Talisman*, подобная эвидентная многоязычная структура представлена лексической парой на япон-

ском (в латинской транслитерации) и немецком языках.

- (3) «Ein deutscher Bleistift unterschied sich kaum von einem japanischen. Er hieß aber nicht mehr „Enpitsu“, sondern „Bleischtift“. Das Wort „Bleistift“ machte mir den Eindruck, als hätte ich es jetzt mit einem neuen Gegenstand zu tun. Ich hatte ein leichtes Schamgefühl, wenn ich ihn mit dem neuen Namen bezeichnen musste. <...> Bis dahin war mir nicht bewußt gewesen, dass die Beziehung zwischen mir und meinem Bleistift eine sprachliche war» (TAWADA 1996).

В книге *Wo Europa anfängt* поясняется этимологическое значение слова «Сибирь» (сопоставляются пары морфем на татарском и немецком языке):

- (4) «Sibirien „das schlafende Land“ (von tatarisch: sib = schlafen, ir = Erde), schlief aber nicht. Deshalb war es auch gar nicht nötig gewesen, dass der Prinz hierher kam und die Erde küsste, um sie zu erwecken» (TAWADA 1991: 74).

Необычный пример «многоступенчатого» использования многоязычных латентно-эвидентных структур приведен в эссе Тавада *Der Apfel und die Nase* из прозаического сборника *Überseetzungen* (2002). Описываются попытки героини перевести на немецкий язык и записать на компьютере иероглифический текст японского языка:

- (5) «Wie kann er (der Computer — T. S.) zum Beispiel das Zeichen für „Nase“ (hana) aussuchen, wenn ich „Blume“ (hana) schreiben will? Die beiden Wörter sehen im Alphabet identisch aus, werden aber in einem unterschiedlichen Tonfall ausgesprochen und natürlich mit verschiedenen Ideogrammen geschrieben. Der Computer interessiert sich nicht dafür, was ich schreibe, sondern er wählt einfach ein Zeichen aus, das ich beim vorigen Mal ausgewählt habe. Kein Wunder, dass der Computer das Wort „Nase“ schreibt, denn ich benutze das Wort „Nase“ viel öfter als das Wort „Blume“» (TAWADA 2002: 16).

Одинаковые в написании лексические единицы hana и hana, произносимые в японском с разной интонацией и отображаемые несходными иероглифами-идеограммами для «носа» и «цветка», воспринимаются компьютером идентичными омонимами, без учета их семантической дифференции. Выбор компьютером немецких соответствий-эквивалентов происходит по «принципу вероятности» (Wahrscheinlichkeitsprinzip) (ZIERAU 2010: 431): машина отбирает наиболее частотный знак, использованный героиней в предыдущем фрагменте. В итоге, вместо

«цветка» в переводе часто появляется «нос», «предпочитаемый» компьютером как частотная лексическая единица текста. Так, для письма героини, желающей поблагодарить подругу за подаренный цветок, компьютер «выбирает» идеограмму «нос» и «адресует» получательнице следующий текст:

- (6) Er wählte das Zeichen für die „Nase“ aus, als ich einer Freundin für die Blume danken wollte. „Vielen Dank für die Nase, die du mir geschenkt hast“» (TAWADA 2002: 16).

Эссе завершается любопытным словесным «каламбуром» во «вкусе» Тавада: акустический эквивалент немецкого «носа» (слово приводится в тексте по-немецки: Nase), произносимый с кратким «а», означает по-японски, в интерпретации рассказчицы, «почему» (слово также написано по-немецки: warum), которое, в свою очередь, совпадает в транскрипционном варианте (не указан в тексте) с немецким словом Nase:

- (7) «Das japanische Wort „Nase“ bedeutet ‘warum’, zwar mit einem kurzen „a“ ausgesprochen, aber im Alphabet genauso geschrieben wie das deutsche Wort „Nase“» (TAWADA 2002: 17).

Эвидентные оппозиции слов по принципу *text en regard* сочетаются в приведённом примере с подробным описанием противостоящих (японской и немецкой) знаковых систем (*Zeichensysteme*) (Ibid.: 432) и возникающих в связи с этим взаимных имагологических «разночтений». В эссе многократно противопоставляются немецко-японские лексические единицы: нем. Nase — яп. hana; нем. Blume — яп. hana; нем. Nase — яп. warum — яп. и нем. Nase. Вместе с тем, очевидно, что иноязычный «компонент» (авто)переведенных Тавада на немецкий язык дифференциальных признаков японской и немецкой лингвосистем «скрыт», представлен латентно (так, в эссе описаны, но не отображены графически японские идеограммы для «цветка» и «носа»; упоминается, но не указывается возможно совпадающая транскрипция японского «почему» и немецкого «носа»).

Аналогичный эффект противопоставления метаязыковых эвидентно-латентных грамматических несоответствий японской и немецкой лингвокультур представлен в дебютном поэтическом сборнике Тавада *Abenteuer der deutschen Grammatik* (2010), в ряде эссе, где писательница пытается в увлекательной форме развеять устоявшийся миф о сложностях немецкой грамматики.

Размышляя над особенностями немецких фраз, роли немецких местоимений, графическим отображением немецкого алфавита, Тавада предлагает немецкоязычным читателям посмотреть на родной для них язык по-новому, представляет его в необычном, «нескучном», ракурсе. Одновременно потенциальные читатели книг Тавада имеют возможность познакомиться с особенностями японского языка и культуры.

В упоминавшемся эссе *Von der Muttersprache zu Sprachmutter* находим размышления героини, служащей-иностранки (японки) немецкой компании (образ — возможный двойник Тавада, начинавшей карьеру в книгоиздательской фирме в Гамбурге) о грамматическом роде имен существительных и категориях «одушевленности — неодушевленности» в немецком и японском языках. Для японки, в родном языке которой грамматические категории рода и числа существительных отсутствуют, сложно понять, почему «карандаш» — существительное мужского рода («он», *der Bleistift*) и на «него» можно ругаться. «Персонализация» карандаша в японской лингвокультуре невозможна: карандаш не может быть «глупым», он не может «сходить с ума», на него невозможно «по-человечески» сердиться. С грамматической точки зрения любое существительное в японском языке нейтрально; грамматическая категория рода не связана с биологическим полом, именно поэтому японский «мужчина» «грамматически» не столь «маскулинен» (*männlich*), как его немецкий «коллега» (TAWADA: 1996).

С трудом привыкая и осваивая немецкую грамматику, героиня вынуждена внутренне «перестраиваться», меняться. Вместе с тем, именно иностранный (немецкий) язык помогает ей обнаружить новые свойства родного языка и культуры.

(8) «Außerdem kam er mir männlich vor, weil er der Bleistift hieß. In der japanischen Sprache sind alle Wörter geschlechtslos. Die Substantive lassen sich zwar in Gruppen einteilen, es gibt z. B. eine Gruppe der flachen Gegenstände oder der runden. Es gibt natürlich auch die Gruppe der Menschen. Männer und Frauen gehören zusammen dahin. Grammatikalisch gesehen ist im Japanischen nicht einmal ein Mann männlich» (TAWADA 1996).

Очевидно комический элемент литературных зарисовок Тавада, их «положительный, утверждающий» «полюс» смеха (БАХТИН 2008а: 43), проясняющий «сознание человека» и рас-

крывающий «для него мир по-новому» (БАХТИН 2008с: 991) значим для художественной стратегии японской писательницы. Имагологический потенциал указанного стилистического приема также не вызывает сомнений.

4. Выводы

Многоязычие (двуязычие) определяют специфику немецкоязычной транслингвальной литературы. Многоязычие (двуязычие) литературных произведений Тавада (а также других писателей-экзофонов) обусловлено сочетанием, «скрещением» различных «языковых мировоззрений» [БАХТИН 2008b: IV (1), 624]) в языковом и творческом сознании литераторов-мигрантов. Ментальная «зона взаимоналожений» («Überlappungsbereich» [VERTLIV 2007]) (ЗУСМАН 2010: 183) дифференциальных признаков конфронтирующих лингвосистем формирует «многофакторную идентичность» («mehrfache Identität» [VERTLIV 2007]) литераторов-мигрантов, генерирует открытые «сдвоенные перспективы» («Doppelperspektiven») (Ibid.) одновременно возникающих многоязычных (двуязычных) образов их литературных произведений. Японская писательница Тавада использует в немецких литературных транслингвальных повествованиях латентные и эвидентные многоязычные (двуязычные) модели, обеспечивающие стабильный интерес читателей к ее творчеству. Латентные структуры фиксируют не только топонимику описываемых сюжетов, но связаны с исторической памятью этих мест, значимы для художественной стратегии писательницы. Эвидентные многоязычные (двуязычные) компоненты проявляются в творчестве Тавада в оппозициональной конфронтации морфем, лексических единиц и метаязыковых форм, усиливающих достоверное понимание лингвокультур в их диалоге. «Открытые» литературные тексты Тавада и других авторов-мигрантов, интегрирующих в литературные произведения вариативные комбинации латентных и эвидентных многоязычных (двуязычных) композиций, фиксируют ценностный потенциал взаимодействующих культур, способствуют непосредственному пониманию реальности и эффективному вневременному диалогу мультиэтнических сообществ.

Список литературы / Zitierte Literatur / Reference

Бахтин М. М. Франсуа Рабле в истории реализма // Бахтин М. М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 4 (1). М.: Языки Славянских Куль-

- тур, 2008a. С. 11—516. [Bakhtin, Mikhail M. (2008a) Fransua Rable v istorii realizma. (François Rabelais in the History of Realism). In Bakhtin, Mikhail M. *Sobraniye sochineniy* (Collected Works). In 7 vols. Vol. 4 (1). Moscow: LRC Publishing House, 11—517. (In Russian)].
- Бахтин М. М.* Материалы к книге о Рабле (1930 — 1950-е гг.). Комментарии и приложения // Бахтин М. М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 4 (1). М.: Языки Славянских Культур, 2008b. С. 604—673. [Bakhtin, Mikhail M. (2008b) Materialy k knige o Rable (1930 — 1950-e gg.). Kommentarii i prilozheniya (Working Notes on the Book about Rabelais (1930 — 1950s. Commentary and Appendices). In Bakhtin, Mikhail M. *Sobraniye sochineniy* (Collected Works). In 7 vols. Vol. 4 (1). Moscow: LRC Publishing House, 604—673. (In Russian)].
- Бахтин М. М.* Материалы к защите диссертации М. М. Бахтина «Франсуа Рабле в истории реализма» (15 ноября 1946 г.) // Бахтин М. М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 4 (1). М.: Языки Славянских Культур, 2008с. С. 985—998. [Bakhtin, Mikhail M. (2008c) Materialy k zashchite dissertatsii M. M. Bakhtina «Fransua Rable v istorii realizma» (Materials for the Defense of M. M. Bakhtin's thesis "François Rabelais in the History of Realism"). In Bakhtin, Mikhail M. *Sobraniye sochineniy* (Collected Works). In 7 vols. Vol. 4 (1). Moscow: LRC Publishing House, 985—998. (In Russian)].
- Зусман В. Г.* Гибридность в литературе мигрантов. Гетерогенное «письмо» В. Вертлиба // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 10 / ред. Бабенко Н. С., Бакши Н. А. М.: Языки Славянских Культур, 2013. С. 180—187. [Zusman, Valeriy G. (2013) Gibridnost' v literature migrantov. Geterogennoe "pis'mo" V. Vertliba (Hybridity in Migrants' Literature. V. Vertlib's Heterogeneous "Writing"). In Babenko, Natalya S., & Bakshi, Nataliya A. (eds) *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Vol. 10. Moscow: LRC Publishing House, 180—187. (In Russian)].
- Смирнова Т. П.* «Межа языков»: многоязычие в транскультурной немецкоязычной литературе // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 17 / ред. А. В. Иванов. М.: Флинта, 2020. С. 254—268. [Smirnova, Tat'yana P. (2020) «Mezha yazykov»: mnogoyazychiye v transkul'turnoi nemetskoyazychnoy literature (Linguistic Borders: Multilingualism in Transcultural German-language Literature). In Ivanov, Andrey V. (ed.) *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Vol. 17.

- Moscow: Flinta, 254—268. (In Russian)].
- Baumann, Beate. (2010) „Ich drehte meine Zunge ins Deutsche, und plötzlich war ich glücklich“. Sprachbewusstheit und Neuinszenierungen des Themas Sprache in den Texten Emine Sevgi Özdamars. In Bürger-Koftis, Michaela; Schweiger, Hannes, & Vlasta, Sandra. (eds) *Polyphonie — Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität*. Wien: Praesens Verlag, 225—250.
- Bürger-Koftis, Michaela; Schweiger, Hannes, & Vlasta, Sandra. (2010) Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität. In Bürger-Koftis, Michaela; Schweiger, Hannes, & Vlasta, Sandra. (eds) *Polyphonie — Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität*. Wien: Praesens Verlag, 11—20.
- Catone, Antonella. (2015) *Grenzen sind dazu da, überschritten zu werden: Chamisso-Literatur und ihr didaktisches Potenzial im universitären DaF-Literaturunterricht in Italien*. Doktorarbeit. Salerno. Retrieved from <http://hdl.handle.net/10556/2139>.
- Cornejo, Renata. (2010) Dialogizität und kreativer Umgang mit der (Fremd)Sprache im lyrischen Schaffen von Jiří Gruša. In Bürger-Koftis, Michaela; Schweiger, Hannes, & Vlasta, Sandra. (eds) *Polyphonie — Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität*. Wien: Praesens Verlag, 349—366.
- Messina, Chiara. (2010) Zweisprachigkeit vs. Mehrsprachigkeit. In Bürger-Koftis, Michaela; Schweiger, Hannes, & Vlasta, Sandra. (eds) *Polyphonie — Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität*. Wien: Praesens Verlag, 107—133.
- Skiba, Dirk. (2010) Formen literarischer Mehrsprachigkeit in der Migrationsliteratur. In Bürger-Koftis, Michaela; Schweiger, Hannes, & Vlasta, Sandra. (eds) *Polyphonie — Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität*. Wien: Praesens Verlag, 323—334.
- Smirnova T. P. Dialog mit der (Sprach)Heimat als produktives schöpferisches Potential fremdspachiger AutorInnen (K. Surdum, V. Vertlib) // Вестник Московского гос. ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2. С. 153—162. [Smirnova, Tatyana P. (2017) Dialog mit der (Sprach)Heimat als produktives schöpferisches Potential fremdspachiger AutorInnen (K. Surdum, V. Vertlib) (Dialogue with the (Language) Homeland as Productive Creative Potential of Foreign Language Authors (K. Surdum, V. Vertlib)). *MSU Bulletin*, series 19, 2, 153—162. (In German)].
- Tawada, Yōko. (1991) *Wo Europa anfängt*. Tübingen: Konkursbuch Verlag.
- Tawada, Yōko. (1996) Von der Muttersprache zu Sprachmutter. In Tawada, Yōko. *Talisman*. Tübingen: Konkursbuch Verlag. Retrieved

from <https://www.konkursbuch-shop.com/tawada/leseprobe-tawada-talisman>.

Tawada, Yōko. (2002) *Der Apfel und die Nase*. In Tawada, Yōko. *Übersetzungen*. Tübingen: Konkursbuch Verlag, 15—17.

Tawada, Yōko. (n. d.). *Homepage*. Retrieved from <http://yokotawada.de>.

Vertlib, Vladimir. (2007) *Spiegel im fremden Wort*. Dresden: Thelem Verlag.

Zierau, C. (2010) Als ob sie mit Fremdsprache sprechenden Menschen an einem Tisch säße. Mehrsprachigkeit und Sprachreflexionen bei Emine Sevgi Özdamar and Yoko Tawada. In Bürger-Koftis, Michaela; Schweiger, Hannes, & Vlasta, Sandra. (eds) *Polyphonie — Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität*. Wien: Praesens Verlag, 412—434.

Tatyana P. Smirnova

Nizhny Novgorod Linguistics University

Multilingual Quotations in German Translingual Narratives

The article focuses on the variants of multilingual (bilingual) segments in translingual German-language literature (German-language literature of migrants) from the point of view of their latent and evident confrontations associated with the intensity of the use of these structures in the German translingual narrative. In terms of Italian researcher I. Amodeo, it is possible to talk about latent and evident multilingualism (bilingualism), defined by her respectively as latent (background) presence of any other language (if the author uses foreign names and topographic designations that are not typical of the German linguistic culture) and the evident, visible manifestation of foreign quotations (often from the first (native) language of migrant writers) in German translingual literary narration. The perspective of the proposed research is related to the analysis of the latent and evident models in the literary works of Yoko Tawada, the German writer of Japanese origin, who actively uses these formats in her literary work. The principles of including multilingual (bilingual) quotations in the literary works of exophonic writers are individual and determined exclusively by the authors' literary intention. The actualization of these formats takes place due to empirical research that expands the understanding of the purpose and variants of multilingual (bilingual) structures in translingual German literary text. The study is based on the concepts and ideas of contemporary Western researchers I. Amodeo, P. Bourdieu, S. Hall, H. Bhaba, G. Genette, G. Kremnitz, A. Kliems, H.-Ch. Trepte, L. Forster, D. Skiba, M. Gymnich on multiculturalism, hybridity, and intertextual interactions in literature. The fundamental scientific interest in the study of modern multilingual cultures and literatures is associated with the heuristically significant discoveries of M. Bakhtin's scientific prose about literary

multilingualism and its basic properties (his theoretical works of 1930 — 1940s). The conclusion is made about the significance of latent and evident multilingual (bilingual) forms for the study of their imagological potential in the dialogue of cultures.

Keywords: latent and evident multilingualism (bilingualism); translingual (German) narratives; I. Amodeo; Y. Tawada; M. Bakhtin

Для цитирования:

Смирнова Т. П. Многоязычные цитаты в немецких транслингвальных нарративах // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 492—505.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-492-505.

To cite this Article:

Smirnova, Tatyana P. (2022) *Mnogoyazychnyye tsitaty v nemetskikh translingval'nykh narrativakh* (Multilingual Quotations in German Translingual Narratives). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 492—505. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-492-505.

Статья поступила в редакцию 24.03.2022; принята к публикации 08.04.2022

The article was submitted 24.03.2022; accepted for publication 08.04.2022